

DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-3-461-471

О СТАНОВЛЕНИИ РУССКО-ИНОНАЦИОНАЛЬНОГО БИЛИНГВИЗМА В РОССИИ ДОСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Л.П. Дианова

МГИМО(У)

Российская Федерация, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Статья посвящена вопросу зарождения и развития русско-инофонного двуязычия. На основе анализа изученной литературы автор делает выводы о зарождении и функционировании разных видов билингвизма на территории Руси, Российской империи вплоть до начала XX века. Формулированию выводов о существовании в разное время таких видов двуязычия, как древнерусско-тюркский, древнерусско-литовский, древнерусско-немецкий, древнерусско-финский билингвизм, а затем русско-немецкий, русско-французский, русско-английский и др., поспособствовал в первую очередь известный труд авторитетных российских ученых В.И. Белликова и Л.П. Крысина [1].

В работе использовался метод аналогии как один из научных методов познания, метод лингвистического описания, общенаучные методы индукции и дедукции.

Ключевые слова: билингвизм/двуязычие, русско-инофонный билингвизм, русско-инонациональный, языковая политика

1. ВВЕДЕНИЕ

После распада единой культурно-исторической общности в 1991 году практически во всех постсоветских государствах формировалась языковая политика, главной целью которой было возведение языка титульной нации до статуса государственного. Этот процесс, по мнению У.М. Бахтикиреевой, вполне закономерен; после распада любого многонационального государства образуются новые государства, языковая идеология и языковое строительство которых направлено на возрождение и всемерную поддержку государственного языка. «На постсоветской территории образовались новые государства, с какой бы предубежденностью к ним не относиться. Языковая идеология и языковая политика, языковое планирование и языковое строительство этих стран направлены на возрождение своих государственных языков. Это — закономерность» [2. С. 26]. Однако любое многонациональное государство не может избежать практик би- и полилингвизма, которые могут служить как основой для расцвета одного языка, его мощной развертки в историческом процессе, так и его «расщеплению» на различные варианты, вплоть до достижения статуса «мертвого» языка. Здесь уместно вспомнить взлет и падение латинского языка, послужившего одной из основ для возникновения множества европейских языков, и другие примеры. «Разве не то же самое происходило при распаде Римской империи, когда возрождались итальянский и

испанский, португальский и французский, английский и немецкий, польский и венгерский?.. Те же процессы происходили при распаде империи Арабский халифат: персидские и тюркские языки, отодвинутые на периферию главным языком империи в течение почти пяти веков — арабским, начали новый путь «возрождения» [2. С. 26].

Вместе с тем нельзя обойти вниманием и сформировавшееся после распада единого государства мнение о том, что именно «засилье» русского языка помешало развитию иных национальных языков, способствовало асимметричному взаимодействию языков, русско-инонациональному двуязычию, порой с доминирующим русским, а также полному переходу отдельных этнически нерусских людей на русский. «Состояние языковой ситуации в новых социумах в первую очередь определяется сужением сфер использования русского языка, вызванному неудачной языковой политикой периода “парада суверенитетов”, первые шаги которого сопровождалась насаждением русофобии и различных ограничений, включая и отказ от использования русского языка не только в жизни государства, но и каждодневной жизни социума» [3. С. 117—118]. Как представляется, эти процессы также можно отнести в разряд закономерных в постсоветских государствах; за исключением Белоруссии, статус русского языка изменился, обусловив сужение сфер его использования, появление его вариаций. На сегодняшний день остается неизменной коммуникативная активность русско-инонационального и инонационально-русского (с доминирующим иным национальным языком) билингвизма.

Цель данной статьи — на примере становления русско-инофонного билингвизма показать закономерность появления би- и полилингвальных ситуаций, расширение лингвистического императива одного языка. Так, прежде чем достичь своего вершинного взлета в Золотом веке русской литературы, русский язык прошел через процессы активного инофонно-русского двуязычия.

2. ОБСУЖДЕНИЕ

Истоки русско-инофонного билингвизма

Исследуя становление языковой ситуации в России и СССР, известные российские ученые В.И. Беликов и Л.П. Крысин в работе «Социоллингвистика» (2001) пишут о том, что точных данных о функционировании языков в период зарождения русской истории не очень много. «Летопись сообщает о славянских племенах, живших “на пути из варяг в греки” в непосредственном соседстве с финнами и балтами». В разных регионах, городских и мелких поселениях могли уживаться «представители самых разных этнических групп» и если говорить о языковой ситуации, то, по всей видимости, полагают ученые, «многочисленные межэтнические контакты», в частности княжеский двор «*неминуемо должен был быть двуязычным*» в силу межэтнических браков князей с представительницами норвежского и шведского двора. Затем, с 60-х гг. XI в. начинаются «тесные династические связи с западом (теперь в основном с Польшей, Чехией, Венгрией), несмотря на предубеждение высших церковных иерархов против связей с “латинянами”» (выделено нами. — *Л.Д.*) [1. С. 238—239]. Можно полагать, что дву-

язычная ситуация была характерна для всего XI в., на протяжении которого развивался *опыт славяно-инофонного билингвизма*: славяно-финского, славяно-балтского, славяно-норвежского, славяно-шведского, славяно-польского, славяно-чешского, славяно-венгерского и др.

На практику межэтнических контактов и браков представителей Древней Руси и Степи IX—XII вв. обращали внимание многие ученые. «Без преувеличения можно сказать, что почти все влиятельные княжеские рода в Киевской Руси состояли в кровном родстве со Степью» [4. С. 143—144]. Красноречивым доказательством этого утверждения является XII в. с характерными для него династийными браками. Так обстояло дело с родословной линией Ольговичей, героев «Слова о Полку Игореве». В частности, О.О. Сулейменов замечает, что женитьба на дочери Тугра-хана позволила Олегу стать князем черниговским. «Сын от этого брака, Святослав, продолжает политику отца и, женившись на дочери Аепы, добивается титула “великий князь киевский”. В жилах сыновей его: “Игоря и Всеволода течет добрая струя кипчакской крови. На ком они женаты, летописи не сообщают, но сын Игоря Владимир в плену справляет свадьбу с дочерью Кончака”. И даже прославленный добрый страдалец за русскую землю Владимир Мономах женил двоих своих сыновей — Юрия в 1107 г. и Андрея в 1117 г. на половчанках. Тут уж не приходится говорить о каком-то расовом или культурном антагонизме. Очевидно, высшие общественные классы и Руси и половцев имели кое-что общее, какими-то общими интересами друг к другу притягивались».

Несомненно, что династийные браки прежде всего были направлены на поддержку и защиту обеих сторон в случае опасности. В летописи 1107 г. читаем: «Иде Владимир и Давыд и Олег к Аепе и ко другому Аепе и сотвориши мир; и поя Владимир за Юргя Аепину дочь, Осеневу внуку, а Олег поя за сына Аепину дочь, Гиргенеу внуку, месяца генваря 12 день». В XI—XII веках половцы воюют против отдельных княжеств, входивших в состав Киевской Руси в качестве союзников, заступаясь за своих «сватов» [4. С.144].

По Л.Н. Гумилёву, на Руси наряду с разделением славянской целостности происходило сближение новых славянских субэтносов с инородцами. Когда они не сливались, то дружили, а это иногда бывало даже выгоднее [5. С. 371]. Можно уверенно утверждать, что в этот период развивается активное двуязычие и с большой долей вероятности — полиязычие, но процесса русификации не наблюдается, потому что, несмотря на значительное развитие Новгородских земель, Муромского, Ростово-Суздальского, Ярославского и иных северо-восточных княжеств в XI—XII веках на этих территориях преобладало «финское население» [1. С. 239].

В связи с распространенностью языка степняков — тюрков в силу тесного общения как мирного, так и междуусобного характера и регулярных брачных связей, формирование процесса «русификации рядовых граждан шел достаточно медленно и без особых конфликтов», кроме сопротивления язычников христианизации. В устном общении использовались древнерусские диалекты, в качестве письменных языков — древнерусский и церковнославянский, которые находились в диглосном соотношении, т.е. использовались в зависимости от сферы их использования. Возможно, существовала и диглосно-билингвальная ситуация.

Основываясь на исследовании В.И. Беликова и Л.П. Крысина, российские лингвисты, исследующие истоки зарождения русскоязычной/русофонной (созданной нерусскими авторами) литературы, отмечают: «В доимперский период церковнославянский язык является основой для создания духовной литературы и ведения богослужения, в т.ч. для крещеных инородцев» [6. С. 16].

В XIII—XV веках языковая ситуация в Восточной Европе меняется. Экономическая зависимость Владимиро-Суздальской, Рязанской и других южных земель от Золотой Орды, значительное западное влияние на Галицко-Волынские земли, серьезное литовское влияние на Полоцк и Смоленск свидетельствуют о языковой динамике отмеченного периода. В это же время Новгородская республика сопротивляется Ливонскому ордену и шведам, упрочивает свой контроль «среди финских народов на севере и северо-востоке», в конце XV в. подчиняется Москве, рядом с которой усиливалось Великое княжество Литовское [1. С. 241]. Исходя из этих данных, вполне можно предположить, что в этот период в зависимости от локальной территории функционировал *древнерусско-тюркский, древнерусско-литовский, древнерусско-немецкий, древнерусско-финский билингвизм*, что предполагает отдельные языковые практики: триязычие и полилингвизм.

Языковая ситуация на Руси до покорения Казани и после ее присоединения снова меняется в соответствии с увеличением разноэтничных племен, «не только татары, но и мордва, чуваша, черемисы (марийцы), вотяки (удмурты), башкиры» находились под влиянием языка татар, который оставался в качестве межэтнического общения для автохтонных жителей Среднего Поволжья и Приуралья. «Общение русских властей с местными жителями обычно идет через толмачей (переводчиков), в том числе с еще враждовавшими с Россией крымцами» [1. С. 242].

Покорение Сибирского ханства вплоть до Тихого океана обусловило соседство России с многочисленными этническими группами. Жившие достаточно независимо друг от друга и не вовлеченные в государственные образования эти этносы стали вовлекаться в российское государственное устройство. В период освоения этой огромной территории реализовалась «быстрая русская экспансия на восток» [1. С. 242]. Освоение новых географических локалов и вовлечение «инородцев» в российский социум стало важным условием для создания новых городов. «Присоединение Сибирского ханства увеличило число этнических групп, проживавших вплоть до Тихого океана. На юге России возникает Тюмень, Тобольск, Томск, Кузнецк, Красноярск, Чита и Нерчинск; на севере — Березово, Обдорск (Салехард), Туруханск, Якутск, Охотск» [6. С. 14—15].

Тесные контакты русских с народами Северной Азии обуславливали двуязычие в силу необходимости первых осваивать языки народов присоединенных земель. «Инородцев», осваивающих русский, было мало, чаще русским пользовались «князьцы», контактирующие со сборщиками ясака. Переводчиками чаще выступают тунгусы, проживавшие на территориях Сибири от Енисея до Охотского моря. Навсегда осевших в Сибири русских «(семейские Забайкалья, рускоустыинцы в низовьях Индигирки, камчадалы и др.)» было немного. Они смешиваясь с аборигенами, тем не менее сохраняли русский язык и для результирующей популяции. Русский язык того периода лишь лексически и фонетически был под-

вержен влиянию местных языков. Только долгане — народность, возникшая в XVIII — начале XIX в. в результате браков русских «затундренных крестьян» с тунгусами, якутами, ненцами, энцами — создали свой язык, основой которого стал якутский. Русские Восточной Сибири в повседневном общении использовали разговорный якутский язык, так называемый «сахала-рипгь, от якутского мн. числа саха-лар ‘якуты’» [Цит. по: 6. С. 15]. Иными словами, и на этих присоединенных русскими территориях функционировал русско-инофонный билингвизм, который, по всей видимости, был асимметричным, неравновесным по сферам использования.

Следует заметить, что, согласно указанному сочинению, русский язык среди аборигенного/автохтонного народа Сибири распространялся в пиджинизированной форме. И до настоящего времени некоторые разновидности пиджина функционируют в разных локалах на данной территории, доказывая своим существованием наличие диглосно-билингвальной ситуации.

Языковая ситуация перед имперским периодом России характеризуется существенным изменением в этноязыковой ситуации. В силу необходимости вживания в окружающую среду русские поселенцы на окраинах присоединенных земель пользуются в качестве средства повседневного общения автохтонными языками коренных жителей, что дает основание для утверждения о развитии *русско-«инородческого» двуязычия*. В период интенсивного освоения новых земель процесс языковой ассимиляции шел медленно в силу необходимости установления межэтнических коммуникаций. Кроме того, ученые отмечают, что государство в этот период не вмешивается в языковые проблемы, хотя Россию можно определенно считать метрополией по отношению к новым территориям. Потому можно говорить о расширении территориального императива русского языка. При этом этнически русские люди пользовались различными диалектами, но в центре, как отмечают ученые, выкристаллизовывалось общеразговорное койне, которое впоследствии станет основой для развития делового русского языка, и позже — для создания русскими писателями светской литературы на русском языке, а затем и нерусскими авторами — русскоязычной литературы [1].

Билингвальная ситуация в Российской империи

История Российской империи начинает свой официальный отсчет с 1721 г. (22 октября/2 ноября), с момента принятия Петром I титула Императора Всероссийского. Без малого двухвековая история империи сопровождалась присоединением новых земель с проживавшими на них автохтонными народами. На протяжении этого времени в состав империи вошли Ижорская земля (Ингерманландия), часть Карелии с Выборгом, Эстляндия, Лифляндия, все белорусские и большая часть украинских и литовских земель, Латгалия и Курляндия, северное побережье Черного моря и Крымское ханство, практически вся значительная часть Предкавказья, Финляндия, Бессарабия, Польша, Восточная Грузия, значительные районы Закавказья и Азии (казахи и киргизы), Кокандское ханство; Туркмения, редконаселенные земли по левому берегу Амура и Приморье, Сахалин. Русский протекторат признают Бухара, Хива и Урянхайский край [1. С. 238—258].

Можно полагать, что языковой ландшафт в это время был достаточно пестрым, дву- и полиязычным, но с обязательным присутствием русского языка во всех языковых контактах и межъязыковых взаимодействиях.

Необходимость регулирования языковой политики в петровскую эпоху выражалась прежде всего принятием официального гражданского шрифта и азбуки. Инициатива Петра I была поистине судьбоносной для государства. В отношении национальных меньшинств в российском государстве, считают ученые (В.И. Беликов, Л.П. Крысин), можно говорить лишь с Петровских времен. Петр I в Эстляндии и Лифляндии оставляет принятое ранее законодательство, привилегии городов и дворянства. В плане языковом во всех административных сферах, в судопроизводстве, образовании сохраняется использование *немецкого* языка. На присоединившееся позже Курляндское герцогство, бывшее ранее польским протекторатом, распространилась аналогичная практика, в том числе языковая.

До первой половины XIX в. немецкий язык функционирует в качестве официального языка Прибалтики. Вместе с тем развитие государства с его практическими нуждами обусловило необходимость изучения русского языка. В конце XVIII в. начинается период более активного инонационально-русского билингвизма, создаются учебные пособия по русскому языку для немцев Эстляндии, Лифляндии и Курляндии. Однако в качестве обязательного предмета школьного обучения русский язык стал в 1820 г. При этом обучении внимание больше уделялось пониманию письменного текста, о всестороннем владении гимназистами русским языком речи не было. Автохтонные (локальные) языки не развивались, а использование их школьниками категорически воспрещалось. Высшее образование осуществлялось на немецком языке, а необходимость сдавать письменный экзамен по русскому языку для желающих поступить, например в Дерптский университет, возникла только в 1845 г.

Для Ингерманландии не было характерно дворянское сословие, а редкое сельское население в дальнейшем часто оказывалось в окружении русских переселенцев. Собственно финны хотя и стали позже двуязычными, но благодаря развитию в Финляндии литературного языка были в гораздо более выигрышном положении. Они поддерживали свою языковую идентичность, чего нельзя сказать об аборигенах южного побережья Финского залива — народах *водь* и *ижора*. Вплоть до 1930-х гг. никаких попыток письменного развития языков этих народов не предпринималось.

По отношению к «неразвитым» народам первый российский император и его наследники «... поначалу проявляют лишь любопытство в духе кунсткамеры, устраивая, например, карнавалы из одетых в национальные костюмы представителей каждого инородческого “племени” или умиляясь языку “малороссов”» [1. С. 245—246].

Начиная с Петровских времен в России заметно увеличивается число людей, говорящих на языках, имеющих значительную литературную традицию и высокий престиж. Социальная верхушка общества становится полиязычной, пользуясь в разных вариантах сначала немецким, голландским, затем французским языком, который становится с конца XVIII в. для значительной части элиты по существу основным. К началу XIX в. европейскими языками овладевают и средние дво-

рянские слои [1. С. 243], причем уровень овладения настолько высок, что русскими поэтами и писателями создаются произведения на европейских языках. И этот факт широко известен в истории литературы. Некоторые исследователи даже называют XVIII век столетием «великой языковой смуты» [7].

Упорядочение русского языка стало одной из основ деятельности «императрицы-просветительницы» — Екатерины II (1729—1796). По всей видимости, изучение ею русского языка было глубоким, осознать все русское, понимать историю и традиции Российского государства для нее было делом всей жизни. Об этом свидетельствует и открытые в период ее правления ряда новых учебных заведений (в том числе для женщин — Смольный институт, Екатерининское училище). Впервые в русской истории в 1794 г. выходит в свет первый нормативный «Словарь Академии Российской». Можно уверенно говорить о полиязычной личности Екатерины II. Не будучи, так сказать, «коренной» россиячкой, она проявляла «подлинный интерес к языкам своих подданных» и повелела «П.С. Палласу собрать материал по всем языкам и наречиям» [1. С. 247].

При Александре II национальная и языковая политика в Европейской России все более меняется в сторону русификации [1. С. 249], и основательно эта политика закрепляется при Александре III [1. С. 282]. После польского восстания 1863 г. все официальные функции в Царстве Польском принадлежат русскому языку. Чуть позже обязательное изучение русского вводится во всех начальных польских и прибалтийских школах, включая и церковные: католические и лютеранские. Распоряжением 1873 г. закрепляется запрет говорить по-польски в гимназиях.

В связи с мощным польским влиянием на Украину в 1863 г. правительством был выпущен циркуляр, разрешавший публикацию на украинском языке только беллетристики, но не учебную и научно-популярную литературу. Как отмечают ученые, запрету подверглись и религиозные издания, поскольку правительство опасалось униатской пропаганды (уния была упразднена относительно недавно, в 1839 г.). В эти же годы на основании «Эмского указа» Александр II (1876) прекращается использование литовского литературного языка на латинской графике, но вместе с тем российское государство предоставляет субсидии на издание литовских изданий на русской графике. Белорусская печать на латинице также была приостановлена, а западнорусский (старобелорусский) литературный язык после запрета его в Речи Посполитой в конце XVII в. постепенно исчезает. Как замечают В.И. Беликов и Л.П. Крысин, народные массы Белоруссии не отличались выраженным этническим самосознанием вплоть до начала XX в., множество же крестьянских диалектов образованными людьми воспринимались как диалекты русского языка. По особому разрешению позволялось публиковать на украинском языке исторические памятники и художественную литературу.

Централизованная языковая политика коснулась и местных языков на Кавказе, в 1867 г. они исключаются из ряда обязательных предметов для изучения русскими школьниками. Обязательным требованием для всех учебных заведений этого региона становится изучение русского языка с первого года обучения. С 1873 г. приостанавливается преподавание молдавского языка в Бессарабии. Еще раньше, с 1870-х гг., поэтапно отменяется автономное управление немецких колонистов в Поволжье и Новороссии, упраздняется Контора опекунов иностран-

ных поселенцев в Саратове, учрежденная еще Екатериной в 1766 г., а с 1874 г. российских немцев привлекают к воинской повинности. Русский язык становится обязательным предметом изучения в немецкоязычных лютеранских школах Поволжья. Начиная с 1840-х гг. государство настойчиво вводит русский язык в систему еврейского образования русский язык. Русификация распространяется на Прибалтику.

Вполне закономерно, что развитие и укрепление государственности сопряжено с развитием и укреплением единого для всех государственного языка. Нет ничего удивительного в том, что языковая политика на протяжении XVIII—XIX вв. была направлена на расширение территориального и лингвистического императива русского языка. Как отмечают ученые, поощрение развития языков меньшинств приветствовалось правительством, если оно содействовало распространению государственного языка. Отсюда и вмешательство властей в процесс обучения в не православных конфессиональных школах, препятствия для изучения иных языков по политическим мотивам [1. С. 249—258].

Освещая языковую политику России того периода в отношении коренных малочисленных народов Севера, Дальнего Востока (около 120 тысяч человек), Л.А. Арефьев отмечает, что она сводилась в основном к обращению их в православие. Однако в течение XIX в. северяне добились больших успехов в области русификации народов [8. С. 31, 33]. По всей видимости, тому сопутствовали объективные причины. Так, А. Выдрин, говоря о времени, «когда Россия силой приобщила к своим владениям обширные территории Средней Азии» [9], отмечает, что встреча царской администрации с иными культурами и национальными особенностями местного населения Туркестана была чрезвычайно осложнена множеством проблем. Одна из главных проблем — языковой барьер «между прибывшими российскими управленцами и коренными жителями — управляемыми», говоривших на нескольких языках. Коммуникация осуществлялась через переводчиков из местной среды — привилегированной «касты», получающей от правительства дополнительное жалование. Первый генерал-губернатор Туркестана К.П. фон Кауфман, осознавая необходимость овладения управляющими чиновниками местными языками, планировал открытие в Ташкенте курсов местных языков «и даже объявить конкурс с назначением премии за составление учебника и словаря... но меры эти за отсутствием средств не были осуществлены» [9].

Позже в 1883 г. в Петербурге открылись офицерские курсы восточных языков, целью которых было предоставить офицерам возможность, изучив восточные языки, подготовиться для соответствующей службы на Кавказе и в азиатских военных округах. Однако особого успеха они не имели. В 1887 г. генерал-губернатор Н.О. Розенбах всем представлявшимся ему административным лицам, а также учителям низших училищ края настоятельно рекомендовал приняться за изучение местных наречий, чтобы владеть ими по крайней мере настолько, насколько это необходимо в служебных отношениях с местным населением. Им также были организованы курсы. Курсы местных наречий для желающих открывались неоднократно отдельными учреждениями и частными лицами. Например, Машковцевым в 1897 г., штабом округа в 1899 г., Ягелло в 1900 г., Ташкентским отделением общества востоковедения в 1902 г., Ломакиным в 1903 г., но все эти курсы также не решили проблему [9].

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Государственные чиновники высокого ранга (К.П. фон Кауфман, Д.И. Суботич, Н.О. Розенбах др.) имели самые искренние намерения исправить сложившееся «гибельное положение» по управлению местным населением. Были и другие личности, желавшие пробудить у автохтонных народов любовь к России, к метрополии. Доказательством этому служат записки государственных деятелей, в частности оренбургского губернатора Д.В. Волкова, датируемая 1763 г. [10. С. 286].

Однако, как свидетельствует история развития известных империй, обучить «победителей» языкам «побежденных» практически невозможно. Напротив, подавляющее большинство «побежденных» овладевает языком «победителя». Пожалуй, это историческая закономерность в отношениях между метрополией и подчиненными территориями. Овладение языком метрополии, государственным, или доминирующим языком в едином государстве обеспечивает взаимопонимание разнонациональных его граждан и влияет на укрепление государства.

Мы солидаризируемся с лингвистами, считающими, что языковые факторы наравне с географическими (государственными границами), экономическими и др. являют собой подсистему по отношению к системе государственной [2]. Как представляется, подобными соображениями руководствовались государственные деятели России, проводящие национально-языковую политику. Так или иначе, исследования российских лингвистов свидетельствуют об очевидности отнюдь «не мягкой» языковой политики в период становления и развития России как империи. Нет сомнений в том, что укрепление государственности не предполагает равновесного укрепления всех существующих в нем языков. Всем языкам, кроме государственного, приходится быть несколько «ущемленными в праве» функционировать во всех сферах использования. Свидетельством тому является современное функционирование русского языка в соседних с Россией постсоветских странах. Экстралингвистические факторы, такие как привлекательность России, ее экономическая мощь, позиция и значимость на международной арене будут определять дальнейшее сохранение активного русско-инонационального билингвизма и русскоязычия, в том числе билингвизма литературного.

© Дианова Л.П., 2018

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Беликов В.И., Крысин Л.П.* Социоллингвистика: учеб. пособие. М.: Рос. гос. манит. ун-т, 2001.
2. *Бахтикиреева У.М.* К проблеме вариативности лексической системы русского языка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2010. № 3. С. 117—124.
3. *Бахтикиреева У.М.* Русский — полинациональный язык? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2014. № 2. С. 16—30.
4. *Сулейменов О.О.* Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. Алма-Ата: Жазушы, 1975. 304 с.
5. *Гумилёв Л.Н.* Этногенез и биосфера земли. 3-е изд., стер. Л.: Гидрометеиздат, 1990.
6. *Бахтикиреева У.М., Валикова О.А.* Истоки транслингвальной русскоязычной литературы // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. Т. XIV. Вып. 1. 2017. С. 18—23.

7. *Родионова К.В.* Трансформация языковой политики России в условиях глобализации. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2006/2/ara10.html>
8. *Арефьев А.Л.* Языки коренных малочисленных народов Севера и Дальнего Востока в системе образования: история и современность. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2014. 488 с.
9. *Выдрин А.* Языковая политика в Узбекистане. Фитрат, Поливанов, Сталин и другие... [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fergananews.com/zvezda/vydrin.html> (дата обращения: 20.05.2015).
10. Классические исследования: многотомник. Алматы: дебиет элемеі, 2013. Т. 13. Алекторов А.Е. Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах (о казахах). 976 с.

История статьи:

Поступила в редакцию: 09.06.2018

Принята к публикации: 24.07.2018

Модератор: В.П. Синячкин

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Дианова Л.П. О становлении русско-инонационального билингвизма в России до советского периода // Полилингвильность и транскультурные практики. 2018. Т. 15. № 3. С. 461—471. DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-3-461-471

Сведения об авторе:

Дианова Людмила Павловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка для иностранных студентов, МГИМО(У). E-mail: l.dianova56@mail.ru

TO THE FORMATION OF BILINGUISM IN RUSSIA BEFORE THE SOVIET PERIOD

L.P. Dianova

MGIMO University
76, Vernadskogo Ave., Moscow, 119454, Russian Federation

The article is devoted to the issue of the origin and development of Russian-foreign bilingualism. Based on the analysis of the literature, the author draws conclusions about the origin and functioning of various types of bilingualism in the territory of Old Russia, the Russian Empire until the beginning of the XX century. Formulation of conclusions about the existence at various times of such types of bilingualism as: Old Russian-Turkic, Russian-Lithuanian, Russian-Chinese, Russian-Finnish bilingualism, and then Russian-German, Russian-French, Russian-English, etc., was contributed primarily by the famous work authoritative Russian scientists V.I. Belikova and L.P. Rat [1].

Here, in the work the method of analogy was used as one of the scientific methods of cognition, the method of linguistic description, general scientific methods of induction and deduction.

Key words: bilingualism, Russian-foreign bilingualism, Russian-foreign languages, language policy

REFERENCES

1. Belikov, V.I., and L.P. Krysin. 2001. *Sociolingvistika [Sociolinguistics]*. Moscow. Print. (in Russ.)
2. Bahtikireeva, U.M. 2010. “K probleme variativnosti leksicheskoy sistemy russkogo yazyka” [To the Problem of the Variability of the Lexical System of the Russian language]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*. 3: 117–124. Print. (in Russ.)
3. Bahtikireeva, U.M. 2014. “Russkij — polinacional’nyj yazyk?” [Is Russian a Polynational Language?]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya Lingvistika*. 2: 16–30.
4. Sulejmenov, O.O. 1975. *AZ i YA. Kniga blagonamerennogo chitatel’ya [Az and I. The Book of a Well-intentioned Reader]*. Alma-Ata: Zhazushy. Print. (in Russ.)
5. Gumilyov, L.N. 1990. *Entogenez i biosfera zemli [Ethnogenesis and Biosphere of the Earth]*. Tret’e izdanie, stereotipnoe. Leningrad: Gidrometeoizdat. Print. (in Russ.)
6. Bahtikireeva, U.M., and O.A. Valikova. 2017. *Istoki translingval’noj russkoyazychnoj literatury [The Origins of Russian Translingual Literature]*. «Social’nye i gumanitarnye nauki na Dal’nem Vostoke». 14(1): 18–23. Print. (in Russ.)
7. Rodionova, K.V. *Transformaciya yazykovoj politiki Rossii v usloviyah globalizacii [The Transformation of the Language Policy of Russia in the Context of Globalization]*. Web. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2006/2/ara10.html>
8. Aref’ev, A.L. 2014. *Yazyki korenykh malochislennykh narodov Severa i Dal’nego Vostoka v sisteme obrazovaniya: istoriya i sovremennost’ [Languages of the Indigenous Minorities of the North and the Far East in the Education System: History and Modernity]*. Moscow: Centr social’nogo prognozirovaniya i marketinga. Print. (in Russ.)
9. Vydrin, A. *Yazykovaya politika v Uzbekistane [Language Policy in Uzbekistan]*. Fitrat, Polivanov, Stalin i drugie... Web. URL: <http://www.fergananews.com/zvezda/vydrin.html> (data obrashcheniya: 20.05.2015).
10. Alektorov, A.E. 2013. *Klassicheskie issledovaniya [Classical Studies]: mnogotomnik*. Almaty: Ædebiat ðemi. Print. (in Russ.)

Article history:

Received: 09.06.2018

Accepted: 24.07.2018

Moderator: V.P. Sinyachkin

Conflict of interests: none

For citation:

Dianova L.P. 2018. “To the Formation of Bilingualism in Russia Before the Soviet Period”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 15 (3), 461–471. DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-3-461-471

Bio Note:

Ljudmila P. Dianova is a PhD in Philology, Assistant Professor at the Chair of the Russian Language for Foreign Students, Moscow State Institute of International Relations (University). E-mail: l.dianova56@mail.ru